

Страничка изъ недалекаго прошлаго университетской жизни.

„Профессора барона Дабелова за взятіе 525 р. с. отъ доктора Леонгарди въ видахъ лихоимства подвергнуть денежному взысканію вдвое противъ взятаго имъ подарка и отрѣшнить отъ должности“ (рѣшеніе правителя сената отъ 25-го октября 1846 года).

Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ здѣшнемъ университетѣ возникло по истинѣ странное дѣло: ординарный профессоръ Александръ Венедиктовъ былъ преданъ, по Высочайшему повелѣнію, суду „за дерзкія выраженія противу начальства“ и „за ослушаніе приказаній“ сего послѣдняго. Случайно наткнувшись на это дѣло въ архивѣ, мы ознакомились съ нимъ. Оказалось, что профессоръ Венедиктовъ совершилъ указанныя преступленія относительно декана своего факультета (медицинскаго), профессора Блументаля и ректора университета Кронеберга. Въ прошеніи на имя перваго онъ обозвалъ распоряженія его, декана, „унижающими профессора до крайности“ и представляющими собою „начальническое поощреніе къ гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ“ студентовъ. Послѣ этого заявленія профессоръ Венедиктовъ отказался читать лекціи и посѣщать засѣданія совѣта, чѣмъ и совершилъ второе преступленіе.

Мы не будемъ излагать здѣсь всего

хода дѣла, тянувшагося нѣсколько лѣтъ и представляющаго собою много любопытнаго во многихъ отношеніяхъ; мы остановимся, ради нашей цѣли, лишь на обстоятельстве, послужившемъ, такъ сказать, поводомъ къ совершенію названныхъ преступленій профессоромъ Венедиктовымъ. Такимъ поводомъ послужилъ, по выраженію тогдашняго попечителя, графа Головина, „легкомысленный и незлонамѣренный поступокъ“ вольнослушателя университета, нѣкоего Коробки относительно профессора Венедиктова. Не малаго труда стоило намъ докопаться въ огромномъ дѣлѣ, состоящемъ изъ 245 листовъ, въ чомъ состоялъ этотъ „поступокъ“ Коробки. Оказалось, что Коробка прислалъ профессору, незадолго до экзаменовъ, просительное письмо, а въ немъ и *подарокъ*. Профессоръ представилъ письмо съ подаркомъ декану. Отсюда и загорѣлся сырѣ-боръ. Коробка увѣрялъ, что подарокъ онъ прислалъ профессору за медицинскій совѣтъ. Профессоръ видѣлъ въ немъ взятку. И онъ несомнѣнно былъ правъ уже въ силу того, во первыхъ, что самъ графъ Головинъ свидѣтельствуетъ, что Коробка былъ человѣкъ крайне бѣдный и, слѣдовательно, не могъ платить доктору за совѣты, да еще такими подарками, какъ „золотая табакерочка“; а, во вторыхъ, письмо Коробки не оставляетъ сомнѣнія, что онъ въ „золотой табакерочкѣ“ самъ видѣлъ никакъ не докторскій гонораръ, а какъ „подарочекъ“ и удостовѣреніе въ томъ, что онъ, Коробка, „никогда не скон-

фузить“ профессора своимъ отвѣтомъ на экзаменѣ.

И такъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ *въ университетѣ* идетъ рѣчь о взяткахъ! Изъ хода дѣла видно, что г. Коробка былъ заподозрѣнъ въ умопомѣшательствѣ, хотя и допущенъ былъ въ послѣдствіи къ лѣкарскому экзамену. А профессоръ Венедиктова, за желаніе его видѣть въ „золотой табакерочкѣ“ взятку, графъ Головинъ, въ бумагѣ на имя ректора, обозвалъ „злонамѣреннымъ“ человѣкомъ. Ректоръ и товарищи Венедиктова не заинтересовались этой стороной дѣла и оставили его втунѣ. Но что же такое была въ концѣ концовъ „золотая табакерочка“. Этотъ вопросъ не могъ не занять насъ. Университетъ и.... взяточничество! Эги два представленія, казалось бы, такъ трудно связать между собою реальною жизненною связью: такъ свято и чисто одно и такъ грязно другое. Взятки въ университетѣ, этемъ храмѣ всего честнаго и высоконравственнаго, взятки среди профессоровъ, этихъ жрецовъ науки, учителей той молодежи, которая должна давать въ лицѣ своихъ представителей лучшихъ гражданъ и слугъ отечеству. Да развѣ это возможно? Мы готовы были охотно вѣрить, что профессоръ Венедиктовъ раздулъ дѣло, по выраженію попечителя, „изъ злобнаго намѣренія“, въ силу своего беспокойнаго характера, „безпрестанно поселяющаго раздоры и несогласія“ среди университетской коллегіи; но волей неволей пришлось очистить память профессора Ве-

недиктова отъ такого тяжкаго нареканія. Мы убѣдились, что не только въ 30-хъ, но въ 40-хъ и даже, говорятъ, пятидесятыхъ годахъ взяточничество въ университетѣ имѣло мѣсто. Намъ не разъ приходилось слышать объ этомъ грустномъ фактѣ отъ старыхъ студентовъ здѣшняго университета. По ихъ рассказамъ отмѣтки у нѣкоторыхъ профессоровъ прямо покупались; „благодарность“ вносилась натурой или деньгами (отъ пяти рублей). Нѣкоторые профессора содержали нѣчто въ родѣ студенческихъ пансіоновъ, живущіе въ нихъ студенты eo ipso обезпечивались въ полученіи удовлетворительныхъ отмѣтокъ. Случалось, профессора писали за опредѣленную плату кандидатскія диссертациі; объ этого рода дѣяніяхъ доходили иногда свѣдѣнія и до совѣта, но онъ старался замать дѣло. Не всебѣмъ довѣряли мы и этимъ рассказамъ, не смотря на то, что назывались имена профессоровъ-взяточниковъ и что рассказы передавались людьми очень почтенными. Но пришлось во все это увѣрять, когда случайно мы наткнулись на *официальное* дѣло въ университетскомъ архивѣ о взяточничествѣ одного изъ профессоровъ. Дѣло относится ко времени сороковыхъ годовъ.

Въ іюнѣ 1843 года на медицинскомъ факультетѣ разразился скандалъ, поведшій къ очень печальнымъ результатамъ—изгнанію одного изъ профессоровъ со службы. Однажды, рано утромъ въ квартиру декана этого факультета, профессора Гана, явился нѣкто

„иностраннѣй“ докторъ *) медицины Леонгарди и, въ присутствіи адъюнкта того же медицинскаго факультета Рындовскаго и сына декана, „объявилъ свое неудовольствіе“, по выраженію декана, на то, что до сихъ поръ факультетомъ не рѣшено дѣло объ его экзаменѣ, не смотря на то, что онъ „*всѣмъ профессорамъ заплатилъ*“, въ томъ числѣ и декану, черезъ профессора барона Дабелова. Замать дѣло на этотъ разъ было не мыслимо: Леонгарди, видимо, выведенный изъ себя, рѣшился на все, бросивъ обвиненіе въ глаза цѣлому факультету въ лицѣ его декана, при свидѣтеляхъ. Въ тотъ же день посылаются ректору—онъ же и завѣдывавшій въ то время округомъ—Артемовскому-Гулаку рапорты деканомъ факультета Ганомъ и профессоромъ Дабеловымъ. Въ первомъ доводится до свѣдѣнія ректора о происшедшемъ утромъ въ квартирѣ декана событіи, а во второмъ дается объясненіе этому событію. Рапортъ профессора судебной медицины и медицинской полиціи, барона Дабелова, представляетъ собою нѣчто по истинѣ изумительное, окончательно компрометирующее профессора—барона. Профессоръ рассказываетъ, какъ еще въ маѣ мѣсяцѣ, „около конца“ болѣзни его, профессора, неожиданно явился къ нему д-ръ Леонгарди „съ упреками“ за то, что онъ, Дабеловъ, не смотря на уплаченныя ему деньги, не исходатайствовалъ для Леонгарди

*) Всѣ слова и фразы въ кавычкахъ взяты изъ подлиннаго дѣла, отсюда, порой, ихъ безграмотность.

хорошихъ отмѣтокъ на его докторскомъ экзаменѣ; какъ затѣмъ онъ, Дабеловъ, „будучи въ постелѣ и чрезвычайно ослабѣвши“, посылаетъ за какимъ-то своимъ знакомымъ студентомъ Мержеевскимъ, котораго проситъ порыться въ бумагахъ, и „поискать, не окажется ли, быть можетъ (?) денегъ“. Студентъ искалъ, и деньги оказались въ двухъ конвертахъ безъ надписи: въ одномъ распечатанномъ было 525 р. сер., а въ другомъ, еще запечатанномъ—200 ассигнаціями; найденное, по увѣренію Дабелова, немедленно было отправлено съ тѣмъ же студентомъ къ Леонгарди, который и взялъ ихъ. Свое позднее заявленіе обо всемъ этомъ профессоръ Дабеловъ объяснялъ нежеланіемъ подвергать Леонгарди отвѣтственности—очень строгой въ то время—„за покушеніе подкупить чиновника“. Въ заключеніе Дабеловъ проситъ нарядить слѣдствіе, и „за учиненное ему безчестіе доставить законное удовлетвореніе“.

Началось „дѣло“, которое тянулось цѣлыхъ три года и кончилось, увы! полнымъ доказательствомъ безчестія барона Дабелова, приговореннаго сенатомъ, какъ мы видѣли, къ отрѣшенію отъ должности (отъ которой въ дѣйствительности онъ былъ отрѣшонъ мнѣнстромъ гораздо раньше) и возвращенію взятаго у Леонгарди.

Дѣло началось предложеніемъ управляющаго округомъ, онъ же и ректоръ, правленію университета произвести „по сему неприятому случаю“ изслѣдованіе. Артемовскій-Гулакъ, видимо, рѣшился на

эту мѣру только въ виду гласности скандала. Онъ не вѣритъ обвиненію Леонгарди, „привыкши“, какъ выражается въ своемъ предложеніи, „съ давняго времени слишкомъ уважать личныя достоинства и благородства характера“ декана медицинскаго факультета и всѣхъ членовъ его, „чтобъ усомниться, хотя на минуту, въ ихъ безкорыстїи и неукоризненномъ удовлетвореніи ими требованіямъ чести и службы—по долгу присяги“, но съ другой стороны, не постигая, какимъ образомъ Леонгарди „при условіи здраваго разсудка могъ отважиться съ такой изумительной рѣшимостью клеветать“ на цѣлый факультетъ, „приписаніемъ ему преступленія взяточничества, еслибъ ему (Леонгарди) не поданъ былъ къ тому, *быть можетъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ), самый неумышленный поводъ“. Это послѣднее соображеніе заставляетъ управляющаго округомъ сдѣлать указанное предложеніе правленію университета.

Жена Леонгарди не замедлила воспользоваться намекомъ попечительскаго „предложенія“ на невозможность совершенія дѣянія, учиненнаго ею мужемъ въ здоровомъ разсудкѣ, и подала декану заявленіе, что мужъ ея, вслѣдствіе неудачныхъ экзаменовъ, „неоднократно впадалъ въ преходящее разстройство умственныхъ способностей“. И это дѣлу не помогло.

Мы, понятно, не будемъ излагать здѣсь весь ходъ этого огромнаго „дѣла“, изложеннаго на *девятисахъ* слишкомъ листахъ и прошедшаго три инстанціи—правленіе университета, харьковскую уголовную палату и, наконецъ,

сенатъ. Мы приведемъ изъ него лишь нѣсколько фактовъ, имѣющихъ значеніе для нашей спеціальной цѣли. Констатировать, что взяточничествомъ несомнѣнно зараженъ былъ остзейскій баронъ-профессоръ и что грѣхъ этотъ едва ли былъ исключительно грѣхомъ его одного, бар. Дабелова.

Согласно формамъ тогдашняго судопроизводства, отвѣчая на „вопросные пункты“, Леонгарди откровенно сознался въ своемъ преступленіи (подкупъ чиновника); онъ съ мельчайшими подробностями рассказалъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ барономъ Дабеловымъ и о томъ, какъ онъ давалъ этому профессору взятки. Четыре раза совершалъ онъ эту операцію, начавъ ее сейчасъ же вслѣдъ за первымъ неуспѣшнымъ экзаменомъ; взятки предлагались профессору Дабелову въ видѣ вознагражденія, впервыхъ, за учоныя (?) занятія съ профессоромъ, а, воторыхъ, *за советы* (?) этого послѣдняго. Давать свои советы сердобольный баронъ-профессоръ захаживалъ иногда самъ къ Леонгарди. Приэтомъ руководитель „особенно приготовиться“ рекомендовалъ докторанту къ экзамену у троихъ профессоровъ, коихъ, разумѣется, называлъ. Леонгарди и усердствовалъ, готовясь къ экзаменамъ у страшныхъ „троихъ“. Но усердствуя въ этомъ направленіи, онъ, оказывается, не понималъ своего руководителя: тотъ, какъ объяснилось скоро, подъ „особеннымъ приготовленіемъ“, разумѣлъ необходимость уплатить ему, Дабелову, еще *три раза* такую же сумму, какая была уплачена ему первый разъ докторантомъ. Леонгарди поправилъ свою ошибку и внесъ

двойную сумму, вложивъ ее въ какую-то брошюрку, чѣмъ удивилъ откровеннаго профессора, заподозрившаго, очевидно, со стороны своей жертвы желаніе отдѣлаться меньшей, чѣмъ требовалось, суммой. Пересчитавъ полученное и увидѣвъ, что не достаегъ кой-чего, баронъ съ откровенностью „рыцаря безъ страха и упрека“ на другой же день заявилъ, „что не доставало еще 525 р. ассигнац. для третьяго (?) профессора. „Ничтоже вопреки глаголя“, Леонгарди согласился съ необходимостью этого послѣдняго „взноса“. Но каково же было его удивленіе, когда баронъ, въ концѣ экзаменовъ, отказался отъ требованной имъ раньше суммы, заявивъ злополучному Леонгарди, что одинъ изъ „троихъ“ не „написалъ хорошаго шара“ ему. Порадовавъ такую вѣсточкой „иностраннаго доктора“, баронъ спокойно обратился къ послѣднему съ такою рѣчью: „*можетъ быть* (?) вы прежде давали мнѣ деньги? Это *могло быть* во время, когда я горячо былъ болѣнъ, то поищите деньги на столѣ, у меня тамъ много денегъ“!! Вотъ послѣ этой-то выходки профессора Дабелова, очевидно вызванной слухами о его безкорыстной дѣятельности и опасеніями, докторъ Леонгарди явился съ жалобой къ декану Гану.

Въ отвѣтъ на эти ясныя, категорическія заявленія доктора Леонгарди баронъ Дабеловъ понесъ, что называется, окопесную, стремясь главнымъ образомъ доказать, что онъ въ то время, къ которому относитъ Леонгарди свои показанія, находился въ постелѣ и чуть ли не въ полномъ безпамятствѣ. Въ подтвержденіе сего онъ ссылался на лѣжившихъ

его товарищей-докторовъ и своего слугу. Но, увы, первые не подтвердили его показаній о безпамятствѣ, а послѣдній, съ необычайной простотой и наивностью опровергъ всякую вѣроятность этихъ показаній своего завравшагося барона.

Предчувствуя полное фіаско, многоучонный баронъ, съ цѣлью хоть затянуть ходъ дѣла, беззастѣнчиво пускаетъ въ ходъ всевозможные „подходы“. Онъ и болѣетъ притворно, не смущаясь официальными освидѣтельствованіями своей особы, обыкновенно приводившей къ удостовѣренію лжи барона, онъ уѣзжалъ тайкомъ изъ Харькова, давъ подписку о невыѣздѣ, онъ, наконецъ, подавалъ массу всевозможныхъ „сказокъ“, заявленій, ничего неразъяснявшихъ, а, наоборотъ, запутывавшихъ дѣло, усложнявшихъ его несказанно, вовлекавшихъ въ него все новыхъ и новыхъ лицъ, къ его непосредственно дѣлу неимѣвшихъ рѣшительно никакого отношенія.

Ни что, на сей разъ, не помогло. Дѣло затянулось, но все таки дошло до сената, гдѣ и кончилось вышеприведеннымъ рѣшеніемъ.

Харьковскій университетъ украшенъ былъ особою барона Дабелова въ 1837 году. Онъ назначенъ былъ профессоромъ этого университета на основаніи § 80 стараго университетскаго устава тогдашнимъ министромъ графомъ Уваровымъ. Параграфъ этотъ вооружалъ министра правомъ назначать на вакантныя кафедры профессорами, по собственному усмотрѣнію, „людей отличныхъ учонностью и *даромъ преподаванія*“. Несомнѣнно и баронъ Дабеловъ

этимъ двумъ требованіямъ долженъ былъ удовлетворять. Изъ формулярнаго списка и другихъ документовъ—нѣкоторые изъ коихъ удостовѣряютъ именно его учонность—видно лишь, что баронъ кончилъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ со степенью доктора въ 1832 году; тогда же получилъ мѣсто *уѣзднаго* врача въ могилевской губерніи, а около трехъ лѣтъ спустя послѣ этого назначенія онъ уже служилъ въ той же губерніи, во врачебной управѣ, гдѣ онъ прослужилъ ровно годъ, по прошествіи коего былъ уже назначенъ въ харьковский университетъ въ званіи экстра-ординарнаго профессора. За все это время баронъ не написалъ ни одной строки. Никакихъ данныхъ въ дѣлѣ не имѣется, которыя указывали бы, гдѣ баронъ успѣлъ, состоя уѣзднымъ врачомъ или инспекторомъ врачебной управы, проявить „даръ преподаванія“, требуемый параграфомъ устава, какъ мы видѣли. Но за то въ „дѣлѣ“ есть свидѣтельства о *высокой нравственности барона*, и всяческихъ заслугахъ его въ бытность уѣзднымъ врачомъ и инспекторомъ управы. Надо отдать справедливость барону, онъ не упустилъ случая удостовѣрить эти свои качества официальными документами. Такъ, въ 1837 году онъ добился отъ виленскаго гражданскаго губернатора аттестата за „*отличную нравственность, знаніе обязанностей и трудолюбіе*“; а двумя годами раньше изъ земскаго суда того же уѣзда могилевской губерніи, въ которомъ онъ служилъ, баронъ получилъ свидѣтельство въ его „успѣшныхъ подвигахъ“ въ борьбѣ съ какою-то повальной болѣз-

нью, „свирѣпствовавшей“ среди евреевъ нѣсколькихъ мѣстечекъ; подвиги эти состояли, по выраженію суда, въ томъ, что врачъ-герой „здоровыхъ отъ больныхъ отдѣлилъ, затѣмъ первыхъ охранилъ, а на *выпользованіе послѣднихъ распорядился успѣшнымъ вліяніемъ*“. „Подвиги“ эти засвидѣтельствовали письменно и „кагалыные члены“, выдавъ барону удостовѣреніе въ своей „незабвенной благодарности“ за то, что онъ „всеусильнѣйшими безъ пощады живота разными рачительно полезными стараніями.. пріискалъ всевозможныя средства къ выздоровленію больныхъ“... ..

Несомнѣнно, баронъ оправдалъ довѣріе начальства и въ университетѣ; и здѣсь оказалъ „успѣшные подвиги“, должно быть... въ наукахъ, ибо очень скоро по назначеніи профессоромъ возведенъ былъ въ званіе ординарнаго и получилъ орденъ.

Въ наше время всяческія зла университетской жизни приписываются злополучному уставу 1863 года. Но въ чомъ онъ, уставъ этотъ, въ сущности виноватъ? Въ томъ ли, что не улучшилъ положенія русскаго университета или въ томъ, что ухудшилъ его? О первомъ можно, пожалуй, спорить, но о второмъ спора быть не можетъ, какъ по отношенію къ студентамъ, такъ и профессорамъ. Профессора-Дабеловы, да и студенты-Коробки ужъ во всякомъ случаѣ невозможны.

И. Дитятанъ.